

напоўніў яго значнай філасофскай, сацыяльнай, літаратурнай праблематыкай. Рэмінісцэнцыі сталі сродкам адмысловага мастацкага дыялогу з класікай, сцвярджэння жыццядзейнасці.

Літаратура

1. Багдановіч, М. Творы: вершы, аповяданні, нарысы / М. Багдановіч. – Мінск: Выд-ва Акадэміі навук БССР, 1957. – 592 с.
2. Караткевіч, У. С. Збор твораў: у 8 т. / У. С. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987 – 1990. – Т. 7: Дзікае паляванне караля Стаха: аповесць; “Чорны замак Альшанскі: раман. – 1990. – 574 с.
3. Мальдзіс, А. І. Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча : партр. пісьменніка і чалавека / А. І. Мальдзіс. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 230 с.

Т. П. Борисюк

Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы НАН Беларуси

УДК 821.512.162.09+821.161.3.09

НАСИМИ И СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ПОЭЗИЯ: ГАЗЕЛИ И РУБАИ

Ключевые слова: Насими, современная белорусская поэзия, газель, рубаи.

Исследуются идейно-жанровые и тематические традиции газели и рубаи (на примере Насими) в современной белорусской поэзии. Статья посвящается 655-летию со дня рождения этого великого азербайджанского поэта.

T. P. Borisyuk

Center for Research of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus

NASIMI AND CONTEMPORARY BELARUSIAN POETRY: GAZELLES AND RUBAITS

Key words: contemporary Belarusian poetry, ghazal, rubai.

The article examines the ideological, genre and thematic traditions of ghazal and rubai (using Nasimi as an example) in contemporary Belarusian poetry. The article is dedicated to the 655th anniversary of the birth of this great Azerbaijani poet.

Что мы знаем о великом Имадеддине Насими (около 1369–1417)?
То, что это азербайджанский поэт и философ, который жил и творил

в 14–15 веках. Он был поэтом-гуманистом, основоположником азербайджанской классической поэзии, философом-пантеистом, сторонником суфизма и хуруфизма. Насими в рамках хуруфизма поддерживал идеи необходимости самосовершенствования человека: искал истину, любил и возвеличивал человека, жаждал видеть его свободным и счастливым, хотел сделать его разум и совесть мерилем всех ценностей [5, с. 17]. Он не побоялся ортодоксальной исламской инквизиции и отстаивал свои идеи до конца. Известно, что его покарала инквизиция, содрав с него, живого, кожу (выставив на 7 дней на всеобщее обозрение, обрубив ему руки и ноги и отправив трём человекам, которых он «сбил с пути» [5, с. 15]), чтобы устроить всех последователей его учения.

Основные восточные формы, которые встречаются в книгах Насими в переводах на русский язык, – это газели и рубайи.

Газели у Насими – преимущественно философские и любовные.

Примером философской газели Насими может служить произведение «В меня вместятся оба мира...», где автор утверждает, что человек-творец, подобный Богу, имеет большие возможности для познания себя и мира:

*В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь:
Я суть, я не имею места – и в бытие я не вмещусь.*

*Все то, что было, есть и будет, – все воплощается во мне,
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья не вмещусь.*

*Вселенная – мой предвозвестник, мое начало – жизнь твоя. –
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.*

*Предположеньем и сомненьем до истин не дошел никто:
Кто истину узнал, тот знает – в предположенья не вмещусь.*

*Поглубже загляни в мой образ и постарайся смысл понять, —
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмещусь.*

*Я жемчуг, в раковину скрытый. Я мост, ведущий в ад и в рай.
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира не вмещусь.*

*Я самый тайный клад всех кладов, я очевидность всех миров,
Я драгоценностей источник, – в моря и недра не вмещусь.*

*Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я сотворение вселенной, – но в сотворенье не вмещусь.*

Все времена и все века – я. Душа и мир – все это я!

Но разве никому не странно, что в них я тоже не вмещусь?

*Я небосклон, я все планеты, и Ангел Откровенья я.
Держи язык свой за зубами, – и в твой язык я не вмещусь,*

*Я атом всех вещей, я солнце, я шесть сторон твоей земли.
Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность не вмещусь.*

*Я сразу сущность и характер, я сахар с розой пополам,
Я сам решение с оправданьем, – в молчащий рот я не вмещусь.*

*Я дерево в огне, я камень, взобравшийся на небеса.
Ты пламенем моим любуйся, – я в это пламя не вмещусь.*

*Я сладкий сон, луна и солнце. Дыханье, душу я даю.
Но даже в душу и дыханье весь целиком я не вмещусь.*

*Старик – я в то же время молод, я лук с тугою тетивой.
Я власть, я вечное богатство, – но сам в века я не вмещусь.*

*Хотя сегодня Насими я, и хашимит и корейшит,
Я меньше, чем моя же слава, – но я и в славу не вмещусь.*

[3, с. 40–42]

В своих **любовных газелях** лирический герой Насими поет красоту любимой женщины, сравнивая её лицо с луной и своё состояние рядом с ней – с раем:

*Сравню с луною я твой лик – и тут же гибну от стыда,
Сравню тебя с людьми – и миг пред богом стыдно мне тогда.
Такой, как ты, и небеса не сыщут в ангелах своих:
Тебе одной дана краса, столь совершенна и горда!
О, не досадуй ты на ложь о черноте твоих кудрей:
Что в черной зависти найдешь, помимо злобы и вреда!*

*Тайник свиданья отпрёт лишь оценивший суть твою:
Глубинный жемчуг сыщёт тот, кому глубь моря не чужда*
[10, с. 229].

В интимной газели “Иду да цябе” Эдуард Дубенецкий, как будто перенимая традицию великого азербайджанского поэта, высказывает идею длительного душевно-эмоционального притяжения лирического героя к его любимой как наивысшего смысла жизни стимула для вдохновения. К каждой рифмующейся строке добавлен короткий редиф “иду” для акцентирования длительности и настойчивости душевных устремлений

лирического героя кего избраннице. Впоследнем бейте газели можетприсутствоватьимя автора, ноздесьэтого нет.

*Я да цябе праз бураломы гора – іду!
Праз прымхаў незлічоных мора – іду!*

*Чакаеш дзесьці мяне, я спадзяюся.
Пакуль ты для мяне ў жыцці апора – іду!*

*Ўсе думкі да цябе імкнуцца – заўжды.
Пакуль ноч небыцця не сора – іду! [4, с. 92]*

Лирический герой “Газели” современного белорусского поэта **Эдуарда Акулина** тоже признаётся в любви своей избраннице:

*Галінка бэзу, траўнем надламная,
мая Каханая.
Ты лёсам мне, напэўна, звыш наканавая,
мая Каханая.*

*Дзе б я ні быў, вяртаюся хутчэй
туды, дзе мне павек адданая,
мая Каханая.*

*У слоту лістападаўскіх начэй
са мной яна і восень не падманная,
мая Каханая [1, с. 139].*

Одой любимой женщине можно назвать и газель «І цар і раб» **Ивана Лагвиновича**. Строфическая и рифмическая её особенность в том, что она разбита на две строфы, внутри каждой строфы опорная рифма отличается:

*І людзі і справы
пайшлі на змярканні ад нас.
Жанчына, я цар твой!
І ў царстве маім ты адна.
Паўстала між намі
і вонкавым светам сцяна,
пакуль зрэнка сонца
не гляне з вачніцы акна.*

*Хвалюе твой голас,
чаруе, як снеў салаўя.
Два ўзгоркі пяшчоты,
спакуснае дно ручая...*

*Жанчына, я раб твой!
Упала карона мая,
калі на каленях
я перад табою стаяў [6].*

Лирический герой любовной газели **Сергея Павловского** грустит по поводу вынужденной разлуки с милой девушкой:

*Да аконнага шкла прыхінуцца галінай вераснёвай парой,
Дзе ў цяпле і самоце спачываць ты павінна вераснёвай парой.*

*Можжа, мне не заўважыць знаёмыя рысы вераснёвай парой,
Цябе дома няма ці якая прычына вераснёвай парой.*

*Можжа, дзе запазнілася ты ў дарозе вераснёвай парой,
З кімсьці ты затрымалася гэтай хвілінай вераснёвай парой [11, с. 20–21].*

“Газель да сонца” **Сержа Минскевича**, как нам показалось, была плодом вдохновения от прочтения им строк “Калісь глядзеў на сонца я, / Мне сонца асляпіла вочы” Максима Богдановича. В газели С.Минскевича есць редиф-обращение “О Сонца!”, который показывает восхищение автора этим светилом: “Ты палаеш над намі, як кінжальная ружа, о Сонца! / Як нявеста каханая вернаму мужу, о Сонца! / На далонях тваіх і ласка, і ўкрытая рэўнасць, – / Гэтым нішчыш няўвагу, цямрэчу і сцюжу, о Сонца! / І як лекі і зброю даеш нам сваё хараство – / Адпадае ўвесь бруд, калі вочы я мружу, о Сонца!” [9, с. 155–156]. Это произведение С.Минскевича соединением образов возлюбленной и солнца напоминает также следующее рубаи Насими:

*В кругу твоих волос затаено солнце,
И на лице твоём отражено солнце.
Любовию к тебе опьянено солнце.
Ты и светило – это суть одно: солнце [10, с. 318].*

В современной белорусской поэзии встречаются и гибридные формы газели с другими жанрами. Это, например, “Эпікурэйства”(2000) (“**сонет-газель-туюг**”) **Юрася Патюпы**: “Дом на юру, вятры цалуюць юр, / у ціхім доме піша вершы Юр. / Ён наталіцца славаю паспеў, / ён славіць краскі, хараство і юр. / Сцямнела. Песню жаваранак спеў, / над ружай салаўя прачнуўся спеў, / паўнютокі сад жамчужнае расы, / дзе ўчора яблык, нібы месяц, спеў. / Вось за акном скрабецца дождж касы, / ідзе праз двор, што пад лязом касы / прычэсаны, і ў доме давідна / ліецца дождж расплеценай касы. / А дзе краса, дзе келіхі віна – / ня спее ў сэрцы горкая віна” [12, с. 91].

Ещё один пример сложной синтетической формы – “Шал і сум і бур” **С. Минскевича** – “**сквозной сонет с аппликацией, двойной газелью и четырьмя отражёнными туюгами**” (авторское жанровое обозначение): “Пісаў паэт – адзін з вядомых Юр: / “Дом на юру, вятры цалуюць юр...”, / І гэта не якая-небудзь з мур, / Ён славіў краскі, хараство і юр, / І словы

варта вывесці на мур, / Дзе коткі лаішацца на сонцы: “Мур”. / Трубіць праз гэта на ўсю пушчу тур, / Ідуць баі ладдзей, а можа тур, / І на Амудар’ю ці на Амур / З’язджаюць людзі ў экстрэмальны тур, / Каго падстрэліў стрэламі амур – / Каханне тут віной – міласць, амур. / І ў галаве, і ў сэрцы, і ў вачах – сумбур, / І адчуваеш сюр – шал і сум бур!” [9, с. 156]. Серж Минкевич сделал патюповский мотив эротического “юра” более возвышенным (вспомним минкевичевскую строку “Каханне тут віной – міласць, амур”).

Если обратиться к следующей твёрдой форме – **рубай** – то ониу Насими преимущественно философские и любовные.

Человек в художественном мире Насими способен преодолевать в себе зло, пороки и невежество. Именно человек – мерило справедливости, добра, разума и красоты. Человек, согласно Насими, должен познать себя, в том числе при помощи слова (как у хуруфитов), чтобы познать окружающий мир и Бога. Об этом – в следующем философском **рубай** Насими:

*Лишь в нашем слове смысл и суть всего живого,
Я – слабый человек, но я источник слова.
От сотворения до Страшного суда
Есть только человек, и ничего иного*
(перевод Н. Гребнева) [10, с. 294].

Современный белорусский поэт Эдуард Скобелев как христианин, живущий по «Библии», тоже поклоняется высокодуховному Слову, способному изменить будущее человека. Читаем в его **рубай**:

*Не чудо ли, что в состоянье Слово
угасшее гореть заставит снова?
И будущее прочертит в Душе,
и зрячим сделать жалкого слепого?* [14, с. 9].

Согласно теории хуруфизма, близкой Насими, человек подобен Богу:

*Что б ни было с тобой, чего бы ни случилось,
Всё: небо и земля – в твой дух и ум вместилось,
Ты, человек, един, ты – властелин земли,
Ты – истина, ты – свет, ты – Бог и божья милость*
(перевод Н. Гребнева) [10, с. 294].

Человек как венец творения природы и часть круговорота веществ в ней показан и в “Рубаі да зямлі” **С. Минкевича**: “*Жывём тут, цяпер... што было?.. а што будзе пасля? / Расліны ўставалі, а на іх запаўзала і тля, / Яе мурашы пасвяць, даяць, і што з той раслінай? / Стварэнне стварэнню – стварэнне, сцвярджае Зямля*” [9, с. 156].

Среди людей много порочных. Значит, надо совершенствоваться, считает Насими в своём **нравственно-философском рубай**:

*Забыты в мире добрые законы.
Все люди – змеи или скорпионы.*

*Нет в мире верности, нет доброты.
Нет больше ни любимых, ни влюблённых.*
(перевод Н.Гребнева) [10, с. 301]

Нравственно-этические вопросы соотношения в человеческой душе добра и зла поднимает в своём рубаи и белорусский поэт **Евгений Миклашевский**:

*Калі на зло ты мне адкажаш злом –
Мы будзем звязаны з табой адным вузлом.
Ды божы дух, наведаўшы мой дом,
На зло маё мне адказаў дабром* [8, с. 206]

Как и у хуруфитов, макрокосм отражается в микрокосме, окружающий мир – в душе человека, в её светлых и тёмных порывах, – это можно увидеть в философском рубаи **Игоря Прокоповича**:

*Нашы душы – люстэркі празрыстых крыніц.
Увесь свет адбіваецца ў іх да драбніц.
Ўсё радзей там бывае блакітнае неба,
Ўсё часцей – чорны попел святых камяніц* [13, с. 75].

Рубаи “Не згубі” Э.Дубенецкого наполнено идеей необходимости выдержать все испытания бедами, обманом, чтобы достичь вершин самореализации и понимания жизни:

*О, не згубі сваёй душы
Ў віхуры зла, сярод маны!
А вытрываеш ўсе напасці,
І вось ён – пік жыцця гары...* [4, с. 99].

В продолжение суфийской традиции воспевания вина как опьянения от познания истины пишет и Насими своё следующее рубаи:

*Я был хмельным, я ухмылялся пьяно,
Но стал я книгой судеб, как ни странно.
Четыре я стихии, пять святых,
Шесть измерений я, семь сур Корана* [10, с. 261].

Не зная этого символического подтекста «винной» поэзии Востока, наивный человек может представить, что опеваётся само вино. Так, например, лирический герой Евгения Миклашевского воспринимает поэзию Омара Хайама, после которой он пьянеет от одних только строк (чудесная сила настоящего искусства!):

*Што я ў таварыстве цвярозых раблю?
Чытаю – Амара Хаяма люблю.
Адно рубаі пра чытаю ў Хаяма –
Здаецца, сабе я гарэлкі налью* [8, с. 203].

В любовных рубаи лирический герой Насими восхищается избранницей сердца, её внешностью и способностью радовать мужчину:

*Твой светлый лик – тюльпан и роза рая.
Твой локон пахнет мускусом Китая.*

*Благоухают волосы твои,
Твоих речений правду подтверждая* [10, с. 307]

У современной белорусской поэтессы Марины Маркевич есть любовное рубаи как прекрасное воспоминание об избраннице сердца:

*На вуснах – усмешка блукае,
У марах – надзея лунае.
Усё пра цябе, мой мілы,
Адзіная думка займае...* [7].

Лирическую героиню в рубаи Веры Буланды беспокоит вопрос эмоционально-душевного отчуждения от возлюбленного:

*Квітнеў бы луг і вечны сад,
Калі б вясельны наш абрад
Злучыў нярсцёнкамі даўно.
О, каб не наш з табой разлад* [2, с. 9].

Таким образом, в современной белорусской поэзии продолжается освоение восточных поэтических форм (философские и любовные газель и рубаи), традиции которых восходят к творчеству Насими и других поэтов Азии, Ближнего и Среднего Востока, Азербайджана, Индии и Пакистана. При использовании современными белорусскими поэтами газели и рубаи замечена тенденция к созданию гибридных, комбинированных поэтических форм как проявление творческого новаторства авторов. Благодаря освоению этих восточных форм современная белорусская поэзия обогащается и формально, и содержательно, адаптируя восприятие экзотического колорита стихотворений Насими и других восточных поэтов к белорусской ментальности. Можно сказать, что традиции поэзии великого азербайджанского поэта Насими продолжают жить в современной белорусской поэзии и обогащать её своим гуманистическим и идейно-эстетическим содержанием.

Литература

1. Акулін, Э. Крыло анёла : вершы, акрапаэма / Э. Акулін. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 174 с.
2. Буланда, В. Мне не жыць без цябе...: вершы / В. Буланда. – Барысаў: [б.в.], 1997. – 110 с.
3. Ветка чинары: азерб. лирич. поэзия в рус. пер. / Сост. Наби Хазри, Александр Лаврин. – Москва: Сов. Россия, 1988. – 304 с.
4. Дубянецкі, Э. Душы маёй няскончаны палёт: кніга паэзіі / Э. Дубянецкі. – Мінск: Кнігазбор, 2011. – 124 с.
5. Ибрагимов, Мирза. Насими и его время: вступ. статья / М.Ибрагимов // Насими. Лирика / пер. с азерб. и фарси Н.Гребнева и К.Симонова. – Москва: Худож. лит., 1973. – 359 с. – С. 7–20.
6. Лагвіновіч, І. Вершы / І.Лагвіновіч // Літ. і мастацтва. – 2007. – 25 мая (№ 21). – С. 8.
7. Маркевіч, М. Вершы / М.Маркевіч // Літ. і мастацтва. – 2011. – 8 красавіка. (№ 14). – С. 8.

8. Міклашэўскі, Я. Рубаі / Я.Міклашэўскі // Маладосць. – 2000. – № 2. – С. 203–206.
9. Мінскевіч, С. Адвечны рэчытатыў: вершы / С. Мінскевіч // Дзеяслоў. – 2013. – № 2 (63). – С. 152–157.
10. Насими, И. Лирика / И.Насими; вступ. статья И. Н. Казариновой. – М.: СПб.: Диля, 2001. – 354 с. – (Лит. наследие Востока).
11. Паўлоўскі, С. Вершы / С. Паўлоўскі // Першацвет. – 1996. – № 1. – С. 18–23.
12. Пацюпа, Ю. Юрлівыя санеты / Ю. Пацюпа // АРСНЕ-Скарына. – 2001. – № 1. – С. 89–103.
13. Пракаповіч, І. «Мой храм – Беларусь...»: вершы / І. Пракаповіч // Роднае слова. – 1992. – № 11. – С. 74–75.
14. Скобелев, Э. Славянские сутры: книга четверостиший / Э. Скобелев. – Минск: Полымя, 1996. – 320 с.

С. Ф. Бут-Гусаім

Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна

УДК 808.26 – 541.2

СЕМАНТЫКА І ПРАГМАТЫКА ПАЭТОНІМАЎ У ПРОЗЕ ЗІНАІДЫ ДУДЗЮК

Ключавыя словы: літаратурная анамастыка, антрапонім, паэтонім, уласнае асабовае імя, мянушка, прозвішча, “фонавыя” паэтонімы.

У артыкуле разглядаюцца ўжытыя ў прозе Зінаіды Дудзюк паэтонімы, якія ствараюць запамінальныя партрэты персанажаў, вызначаюць час і месца дзеяння, адлюстроўваюць светапогляд герояў. Апісваюцца прагматычная значнасць антрапаэтонімаў – рэпрэзентантаў канатацый эмацыйнасці, ацэначнасці, сацыяльнасці, нацыянальна-культурнай спецыфікі. Акрэслена культурна-гістарычныя функцыя “фонавых” онімаў як сродкаў фарміравання хранатопных межаў твораў.

S. F. But-Gusaim

Brest State University named after A.S. Pushkin

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF POETONYMS IN THE PROSE OF ZINAIDA DUDYUK

Key words: literary onomastics, anthroponym, poetonym, proper personal name, nickname, surname, “background” poetonyms.

The article examines the poetonyms used in Zinaida Dudyuk’s prose, creating memorable portraits of characters, defining the time and place of action, reflecting the worldview of the characters. The article describes the pragmatic significance of anthropoetonyms-representatives of connotations